

Независимая газ. — 1995. — З окт. — 17.

Виктория Шохина

Юбилей

Посвящается Ольге Ческотти

ПРИ СОВЕТСКОЙ власти Есенин был долгое время чуть ли не единственным источником, к которому припадала вся наша огромная, нервная, склонная к депрессиям и истерикам и вечно ищущая художественные формы для них народная душа. К его могиле на Ваганьковском кладбище приходили 3 октября алканы — застаканить за Серегу, Сереженку, Сергея Александровича. «Эх, Серега, — кто-нибудь самый лиричный поднимал слегка запотевший граненый стакан, — поехали!», как будто он погиб только вчера. В начале 60-х была объявлена подписка на первое после 1926 года собрание сочинений в пяти томах (светло-зеленый переплет), и широкая очередь не один день стояла от «Подписных изданий» на Кузнецком мосту чуть ли не до «Метрополи». Эх, Серега... В вагоне метро, допустим, Арбатско-Покровской линии некто плохо выбритый, со спитым лицом объяснял тому, кто в очках и шляпе, как по-настоящему надо понимать Есенина. В бессловесный разговор ввязывался третий и читал с холодной безуминкой в глазах:

Ну кто ж из нас
на палубе большой
Не падал, не блевал
и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепки в качке
оставался...

(И в самом деле — кто? Да никто практически, никто!)

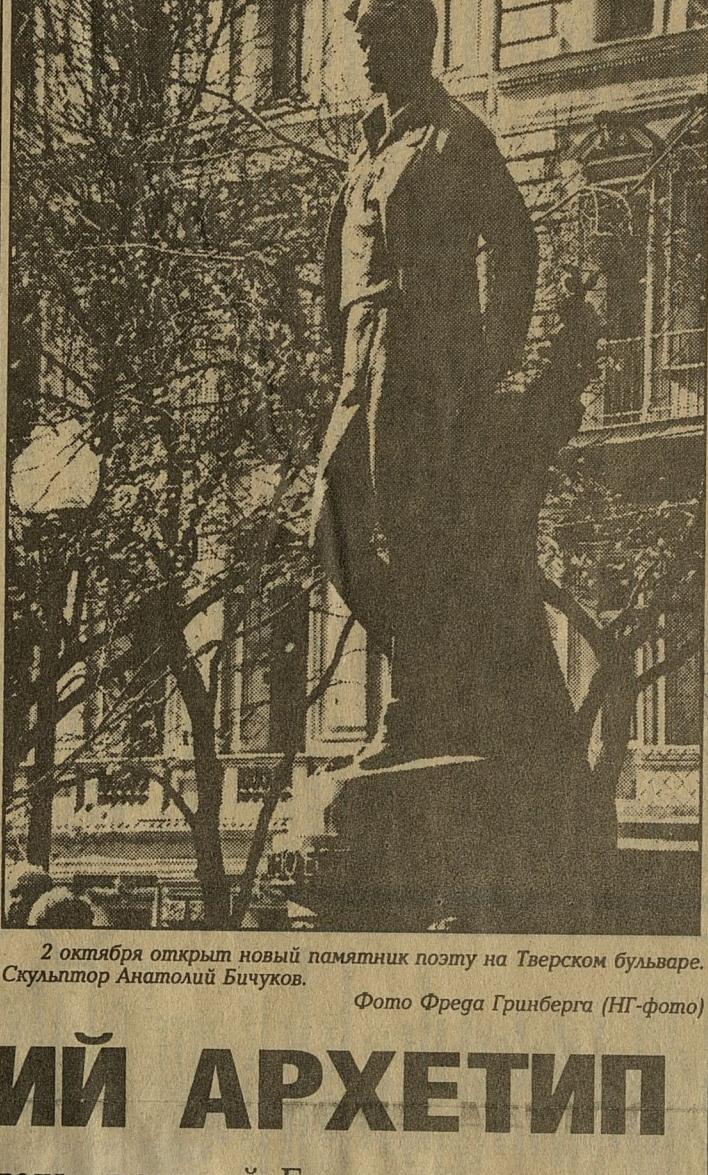
Школьницы в пору полового созревания переписывали друг у друга из заветных тетрадок: «Девочка не бойся, я не груб. Я не стал развратнее вдали. Дай ко-снуться запылавших губ, дай прижаться к девичьей груди» (наверняка только dubia). Когда хотели сказать что-либо доброе про Брежнева (случалось и такое, в номенклатурных кругах), то вспоминали про любовь к стихам Есенина. Нетрудно вообразить бедного Леонида Ильича, после изрядного количества рюмок «КВ» читающего, со слезой на глазах и в голосе, про старушку, которая, возможно, еще жива. И свита, и родня, обслуга и прислуга, тоже едва ли не на последнем рыдании, причем искренне, шевелила губами

мучились чувством вины перед своим несчастным народом. (Любопытно, кстати, экстраполировать ситуацию на сегодняшний день.)

На самом деле «крестьянин» передернул, лукаво сдвинув факт от своей жизни в нужном направлении. Приехал он в Петербург вовсе не из деревни, а из Москвы, где к тому времени обретался уже три года. В Москве работал его отец, который и вызвал юношу (благополучно окончившего СпасскоКлепиковскую учительскую школу) к себе, в расчете на его дальнейшее образование. Работал Есенин сначала продавцом в книжной лавке на Страстной, потом корректором в типографии Сытина. Московское Охранное отде-

лому, сохи и прочие атрибуты мнимой русской. Это было точно попадание в яблочко — мода на исконно-посконное, нутряное, от земли проходила свой пик (что подтверждал и феномен Гришки Распутина). Сам Есенин, впрочем, при этом посмеивался: «Хе-хе-хе... Любомлю уж больно потешиться над ними, а особенно когда они твою блесну на лету хватают, несмотря на звон ее железный...» (из письма А.В. Ширяевцу от 24 июня 1917 г.).

Когда поэта в начале 1916 года призвали на военную службу, все тот же Ломан взял его под свое начало в санитарный поезд Его Императорского Величества. Любителям числовой эзотерики может пригодиться следующее:

2 октября открыт новый памятник поэту на Тверском бульваре.
Скульптор Анатолий Бицуков.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

РУССКИЙ АРХЕТИП

Если хочешь почитать, почитай Есенина

в такт — есенинская ритмика легка, как песня.

Есенин в виде архетипа коллектива бессознательного был блестящее воспроизведен Велиием Аксеновым в «Затворенной бочкотаре» (1968). Что-то в таком духе: *Идет по росе Хороший Человек, Серега Есенин. Вы помните, вы все, конечно, помните... Серафима, если что узнаю, не обижайся. Шпарит себе по долине. А этого ментя, Серафима, я сам, лично... На затылке кепи, в лайковой перчатке смуглая рука. И вам, Серафима, пора за дело приниматься. А мой удел катиться дальше вниз... и т.д.*

Но в какой-то момент Есенина стало так много, что фольклор определил это его исключительное место в национальном менталитете в несколько грубоватой, но,

в сущности, адекватной форме:

Если хочешь почитать,

Почитай Есенина.

Если хочешь пососать,

Пососи у Ленина.

Это была здоровая реакция того же самого народа на затасканность образца до общего места.

Так, профессиональные «патриоты» (в параллель школьному официозу) смастерили из его стихов свою лубочную Русь — для валютной «Березки». Любовь к родине, гармонь, околица, туман стелется, хороша была Танюша, просторы, твою мать! Рассея, рожь да васильки... (В перестройку добавили: Бухарин, злые заметки, жиды-комиссары, загубили русского крестьянина, песенную головушку, суки!).

Лубочный Есенин был, конечно, трогательен, но кондов, одномерен и оттого скучен до звона в ушах. Впрочем, «патриоты» все-ли лишь добросовестно воспроизводили ту лежащую на поверхности часть Есенина, которую он сам никогда не культивировал на продажу. На этой волне юный поэт, собственно говоря, и въехал победоносно в литературу: с одного боку мчал «хитрых, как лисицы», Клоев, с другого — зацикленный на сказово-сказочной зауми Ремизов. Тот, кто посередине, был единственным настоящим:

Нет! таких не подмять,

не рассеять.

Бесшабашность им гнилью да-

на.

Ты, Рассея моя... Рас... сея...

Азиатская сторона!

«Я — поэт, приехал из деревни, прошу меня принять», — писал Есенин Блоку весной 1915 года. Это была вторая записка, на первую, с просьбой поговорить по «очень важному делу», Блок никак не реагировал. Зато в результате проартикулированной «деревни» записал себе на память — с русской доверчивостью и немецкой педантностью: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 19 марта 1915». Тогда просвещенные баре-

ление, установившее наблюдение за неблагонадежным корректором, дало ему кличку «Набор» — курьезный штришок для биографии нутряного, от сохи поэта! (Барышню, с которой он кадрился, почему-то обозначили как «Доска»).

Но, как считал Есенин, «слова

— это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев.

Сегодня они неуклюжие, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия».

Кроме того, он входил в Суриковский кружок. Суриковцы часто собирались в Кунцевском парке близ села Крылатское, и под каким-то романтическим старым дубом именно здесь прошло первое, считай, публичное чтение 16-летнего Сергея Есенина — ему было что показать после своего «лицея» в СпасскоКлепиках. Он получил там «крепкое знание церковнославянского языка», а также отличные отметки по русскому языку, географии и отечественной истории (не говоря о том, что соученики все как один писали стихи — поветрие!). В Москве он поступил на историко-философский факультет Университета имени Шанявского, продержался там два курса и даже удостоился одобрения своим стихам из известного филолога, профессора Сакулина («Вытикал на озере алый цвет заря...»). Так что пейзанин-пастушок оказался тот еще.

У него всегда находились старшие друзья-покровители. Большую роль в его жизни сыграл Иванов-Разумник, отговорил юного поэта писать стихи в честь Николая II. С другой стороны

был странный полковник лейб-гвардии Павловского полка Ломан, один из организаторов столы

же странного «Общества возрождения художественной Руси».

Полковник свел Есенина с императорской семьей. «По про

сьбе Ломана однажды читал

стихи императрице, — не

брежно роняет Есенин уже в

советское время. — Она после

прочтения моих стихов сказала,

что стихи мои красивые, но

очень грустные. Я ответил ей,

что такова вся Россия. Ссыпался

на бедность, климат и проч».

Замечательный образчик печенского слога!

По свидетельству современников, толстые дамы в петербургских литературных салонах с умилением лорнировали пастушку: «стоило только ему произнести с ударением на «о» «корова» или «сенокос», чтобы все пришли в шумный восторг».

Сам себя он называл тогда по-ремизовски замысловато «баяшник соломенных суетов». И

всё сильно напирал на со-

личный знак ратника санитара С.А. Есенина был № 9999. Точно так же спесы в метафизике по достоинству оценил его автограф для графолога: «Победа духа над космосом создает тот невидимый мир, в который мы все уйдем. Сергей Есенин» (7 октября 1915 г.).

Остальное — апокриф, разумеется, использовавший блестки реальности. Одно имя — ЕСЕНИН. Ценитель «корявых» слов и серьезный теоретик стиха, левый эсер и мечтатель о крестьянском рае, друг-товарищ брутального Блюмкина (отсюда

— «... не расстреливал несчастных по темницам») и симпатизант Нестора Махно, муж

нескольких жен (первый гражданская брак, кстати, с корректором Сытинской типографии Анной Изрядновой, в 1915-м родился сын) и любовник скользких-то поэтических юношей, декадент и все-таки мужик. Будучи ребенком, проиграл в бабки 4 копейки, данные для покупки просфиры, будучи молодым человеком, прикурил от лампады... Верил в тургеневских чистых девушек и — любил Христа. От любви к Христу его бросало в хулу над миром. Так, прямо по Достоевскому, металась душа этого русского мальчика. И, может быть, ее взлеты и падения из бездны к вершине, с вершины в бездну и составляют ту тайну, которая сделала Сергея Есенина поэтом для всех русских вместе и для каждого в отдельности.

СОДА. Отдельный вопрос — о любви к Есенину блатарей. По

свидетельству Варлама Шаламова, «это был единственный поэт, принятый и освященный»

блатными, которые вовсе не жалуют стихов» («Очерки преступного мира», 1959). Кстати, «есенин» на фене — имя нарицательное, заключенный сочиняющий стихи и песни. И в конце концов блатарь, может быть, самым достоверным образом отражает русскую душу — не зря же все мы любим блатные песни и феню. Символом русского характера вполне можно считать, например, классические татуировки «из Есенина»: на правой ноге «Как мало пройдено горог», на левой — «Как много сделано ошибок». А на спине, чтобы все видели: «Ставил я на пиковую даму, а сыграл бубнового туза». Найдется ли хоть одна русская душа, которая на это не отзовется?! Не говоря уже о таком, из «Марфы Посадницы»:

И писал Господь своей

верной рабе:

Не гони метлой

тучу вихристу.

Как московский царь

на кровавой гульбе

Продал душу свою

антихристу..

Вот такие мы. Все.

П.С. Факты для статьи в основном взяты из: В. Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника. М., 1969.